

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

КОНЦЕПЦИЯ «ИСТИННОЙ ЛЖИ» Н. П. ОСИПОВА

Николай Петрович Осипов (1751—1799) заслужил в научной литературе славу посредственного писателя-компилятора, поденным литературным трудом, преимущественно переводческим, зарабатывавшего себе на жизнь. Свою роль сыграли и поведение Осипова на процессе по делу А. Н. Радищева,¹ и его последующая дружба с сыном С. И. Шешковского И. С. Шешковским, которому посвящена «Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку». В результате работ, посвященных собственно творчеству Осипова, почти нет, а сам автор оказывается достоин упоминания только в связи с рядом других, более значимых, деятелей культуры, в чье окружение он входил,² или в некоторых обзорных исследованиях. По сути, Осипов воспринимается как автор одного произведения — переложения «Энеиды» А. Блюмауэра, являвшегося в свою очередь травестией поэмы Вергилия. Все остальные произведения Осипова считаются или выполненными на заказ, или недостойными внимания. Но и в отношении «Енейды» почти всеми исследователями единодушно признается, что ее последующее переложение на малороссийский язык, сделанное И. Котляревским,³ значительно выше по художественному уровню, интереснее и оригинальнее.

¹ Подробнее см. предисловие Б. В. Томашевского к публикации поэмы Осипова (Ироикомическая поэма. Л., 1933. С. 263—266), а также: *Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М., Л., 1952.*

² О связях Осипова с так называемым львовско-державинским кружком см., напр.: *Турчин В. С. Львов и Н. П. Осипов: к истории садов в России // Генний вкуса. Мат-лы науч. конф., посвященной творчеству Н. А. Львова. Тверь, 2001. С. 208—213.*

³ Большинство исследователей признано, что первоисточником для Котляревского послужил текст Осипова. Обзор литературы по этому вопросу см.: *Гудзий Н. К. «Энеида» И. П. Котляревского и русская травестированная поэма XVIII века // Вестник Московского университета. 1950. Вып. 3. № 7. Сер. общественных наук. С. 127—143.*

Изучение творчества Осипова затруднено тем, что не всегда можно установить степень оригинальности того или иного произведения. Его собственные рассуждения о том, что «один писатель столько много теперь обкрадывает и грабит другого, что настоящие оригиналы столько же ныне сыскать трудно, сколько прямую искренность и чистосердечие»,⁴ вполне можно отнести и к нему самому.⁵ Не пытаясь оспаривать эту, вероятно, вполне заслуженную Осиповым репутацию писателя второго ряда, стоит все же отметить, что объем его творчества не так уж мал (и большей частью приходится на последнее десятилетие его жизни), и при сопоставлении произведений разных жанров можно обнаружить некоторые тенденции, свидетельствующие если не о наличии у Осипова самостоятельных концепций, то как минимум о том, что некоторые идеи произвели на него особое впечатление. А это должно свидетельствовать об их актуальности в тех кругах, к которым Осипов принадлежал.

Помимо произведений, которые Осипов переводил по заказу (прежде всего, сюда относятся хозяйственные сочинения, их он переводил достаточно близко к оригиналу, не внося значительных добавлений), в его творчестве можно выделить целую группу произведений как переводных, так и его собственных, объединенных общим отношением к самому литературному творчеству. Вероятно, сам Осипов считал себя скорее сатирическим писателем. Вдохновителем издаваемого им в 1798 г. журнала «Что-нибудь от безделья на досуге»⁶ он назвал античное божество насмешки Момуса, прародителя литературной критики. Но сатира Осипова, тематически достаточно традиционная (ее объектом были щегольство, галломания, невежество и проч.), отличалась повышенным вниманием к проблемам языка. Очевидно, Осипова когда-то поразила и увлекла мысль о возможностях языка в области составления ложных высказываний и выражения ложных понятий.

В 1790 г. в сборнике нравоучительных и сатирических текстов под заглавием «Не прямо в глаз, а в самую бровь» Осипов предлагает читателям «Новый карманный словарь для щеголей и красавиц».⁷ Подобного рода словари были не новостью в сатирической

---

⁴ Осипов Н. П. Не прямо в глаз, а в самую бровь. СПб., 1790. Ч. I. С. 2.

⁵ Показательно в этом отношении название журнала Осипова: «Что-нибудь от безделья и на досуге, еженедельное издание, частью исторического, а частью морального, критического и публицистического содержания, взятого из лучших иностранных периодических писателей, но больше состоящего из самых новейших кратких российских сочинений».

⁶ Об авторстве Осипова см.: Саитов В. И. Разъяснение одного вопроса в истории русской журналистики XVIII века // Древняя и новая Россия. 1878. Т. II. № 7. С. 258.

⁷ Осипов Н. П. Не прямо в глаз, а в самую бровь. С. 20—21. Как будет показано в дальнейшем, вряд ли можно согласиться с утверждением С. К. Бу-

журналистике.⁸ Но особенность осиповского словаря состоит в том, что он не столько дает дефиниции модных словечек шегольского жаргона, как например поступал Н. И. Новиков,⁹ сколько обращает внимание на переосмысление значений слов, вплоть до приобретения ими прямо противоположного смысла: «*Верность*. Верные любовники и любовницы служат теперь только к украшению романов, театральных представлений и стихотворческих сочинений. (...) Верность есть ныне выражение словесное, служащее убеждением ко взаимному согласию отвечать на предлагаемую любовь. Верный любовник называется тот, который еще не достигнул до настоящей благосклонности».¹⁰ Аналогичный характер носят статья «Точный и истинный смысл некоторых наук и познаний»¹¹ и некоторые другие материалы.

В своем журнале Осипов почти в каждом номере так или иначе рассуждает о том, что слова теряют свое прямое значение, и дает целый ряд примеров, помещая таблицу переозначений слов и выражений в современном ему русском языке:¹²

Слова ныншнего света	Настоящий смысл оных
С ним не можно иметь никакого дела	Совершенно честный человек
Опасный человек	Кто никакого плутовства терпеть не может
Честный человек	Кто хотя и не ворует, но не упускает случая пощечиться
Честный и добрый человек	Дурак
Умный человек	Кто знает свою пользу
Слепой человек	Кто воровать не умеет
Он знает свое дело	Кто искусен в обмане
Человек с разумом	Кто про себя ни в чем не проболтается
Человек с духом и отважно- стью	Кто нагл, дерзок, бесстыден и пр.
Тонкий человек	Искусный во всяких хитростях и оборотах
Великий человек	Прощай вся правда!

лича, согласно которому этот текст относится к числу тех, что «совсем не имеют отношения к языкознанию...» (Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1. С. 299).

⁸ См.: Привалова М. И. Из истории «малых форм» сатиры в русской журналистике XVIII—XIX вв. // Русская журналистика XVIII—XIX вв. Л., 1969. С. 102—121.

⁹ Опыт модного словаря шегольского наречия // Живописец. 1772. Л. 10.

¹⁰ Осипов Н. П. Не прямо в глаз, а в самую бровь. С. 20—21.

¹¹ Там же. С. 53—54.

¹² Что-нибудь от безделья на досуге... 1798. Вып. 4. С. 48.

Новый смысл, который приобретают старые слова и выражения, он называет «комплиментным» в соответствии с антищегольской установкой его сатиры: «Говорят обыкновенно: При *случае* я буду тебе полезен. А сие значит: Когда стекутся благоприятствующие тебе обстоятельства, то я постараюсь употребить их на то, чтобы ты к той или другой цели достигнул. В обыкновенном же комплиментном смысле сие должно перетолковать следующим образом: Я стараюсь отделаться от тебя учтивостями и обещаниями, которые тотчас по выходе твоём вылетевши у меня сквозь трубу памяти наподобие дыма исчезнут».¹³ Особое внимание он уделяет тем словам, которые, с его точки зрения, вообще не имеют значения, т. е. комплинтам и некоторым словам щегольского жаргона, служащим для заполнения паузы. «Слова суть истолкователи мыслей. Из сей дефиниции исключаются следующие обстоятельства: 1) в знатных домах; 2) в поздравлениях с новым годом или со днем рождения; 3) в просительных письмах и дедикациях»;¹⁴ «Комплименты при словах самое то, что между цифрами нули; сами собою не значат ничего, но другие числа увеличивают»;¹⁵ «*И прочая*. У древних слово сие означало такие предметы, о которых могли бы они говорить далее, если бы только хотели; у новейших же писателей значит по большей части то, что хотели бы они сказать еще много, если бы только могли или умели».¹⁶ Такие слова сами могут быть с легкостью заменены любыми, даже невербальными, средствами: «*Ах!*.. есть слово больше стихотворческое, нежели естественное, и принадлежит по большей части влюбленным людям, которые его употребляют вместо самых неоспоримых доказательств, когда кого иначе уговорить не могут. Часто сие слово употребляется в лабиринтических периодах, чтобы между тем как-нибудь выпутаться, если кто уже слишком заврался. Вместо *Ах!* часто наклепывают на себя притворный кашель, который гораздо легче и не столько требует принуждения».¹⁷

О внимании к словам с размытым значением свидетельствуют и статьи журнала о господах *Нечаянно*¹⁸ и *Может быть*.¹⁹ Это едва ли не единственный в русской сатирической журналистике случай олицетворения модальных выражений, хотя десятилетием раньше в русских журналах можно обнаружить некоторые статьи, отличающиеся аналогичным подходом к проблеме. Например, можно отметить «Письмо к издателям Ежемесячных Сочинений (о злоупотреблениях Российского языка)», помещенное в журнале «Новые ежемесячные сочинения» за октябрь 1786 г. Анонимный

¹³ Там же. Вып. 5. С. 65.

¹⁴ Там же. Вып. 3. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 37.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Вып. 26. С. 401.

¹⁸ Там же. Вып. 13. С. 206—207.

¹⁹ Там же. Вып. 18. С. 271.

автор статьи жалуется на «злоупотребление, каковое *сравнениями* и *переносного смысла* словами делается», и просит издателей журнала: «...или наставьте нас незнающих, напечатав в вашей книге род словаря, который изъяснил модою введенный принятый новый смысл словам, или склоните к жалости ваших сограждан, чтоб они говоря с Россиянами, настоящим Российским языком говорили». ²⁰ В статье приводятся выражения, которые приобрели новый противоположный смысл, например обороты вроде *ужасно хороша, страшно как прекрасна*. Те же примеры по тому же поводу приводит и Осипов в журнале «Что-нибудь от безделья на досуге» в «Лексиконе для щеголей и модников»: «*Ужасно*. Старинное употребительное слово, которое по милости нынешнего остроумия введено для обозначения самых приятнейших предметов, как напр.: она ужасно прекрасна; он ужасно честен и проч.» ²¹ На основе этих сопоставлений вряд ли можно делать вывод о том, что Осипов был автором статьи в «Новых ежемесячных сочинениях», но все же это предположение кажется небезосновательным.

Закономерно возникает вопрос о том, насколько рассмотренные выше проблемы ставились Осиповым именно как языковые. Для современной науки вопрос об истинности/ложности высказывания несомненно относится к области лингвистики, ²² оставаясь в то же время и философским. Традиция рассмотрения лингвистического материала в логических категориях — более чем давняя: «Отправной точкой для первых софистов-риторов в их попытках осмыслить человеческую речь как технэ, как деятельность, которую можно подчинить себе, найдя для нее необходимые приемы и правила, было допущение того, что речь не связана неразрывно с материальной реальностью, что в речи допустимы ложь, обман». ²³

Отчасти подтверждение тому, что Осипова волновала именно лингвистическая сторона проблемы, можно найти в его статье «Отчего во всех народах стихотворцы старше прозаистов», ²⁴ где Осипов попытался дать объяснения некоторым интересовавшим его языковым явлениям. Возможно, статья носит компилятивный характер и была заимствована из иностранных источников, но она

---

²⁰ Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. IV. Октябрь. С. 64—74.

²¹ Что-нибудь от безделья на досуге... 1798. Вып. 26. С. 414.

²² Ср., напр.: «Изучение лжи (в широком смысле) составляет {...} непосредственный предмет лингвистического исследования, особенно в тех случаях, когда ложь начинает культивироваться как искусство» (*Болинджер Д.* Истина — проблема лингвистическая // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М., 1987. С. 23). См. также: *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке*. М., 1995.

²³ *Миллер Т. А.* Основные этапы изучения «Поэтики» Аристотеля // *Аристотель и античная литература*. М., 1978. С. 35.

²⁴ Что-нибудь от безделья на досуге... 1798. Вып. 26. С. 369—384.

несомненно творчески переработана Осиповым, так как в нее включены оригинальные примеры на русском языке. В статье утверждается метафоричность, т. е. «стихотворческий» характер первобытного языка. Мысль эта также была высказана еще в античные времена, но, вероятно, обсуждалась в близких Осипову кругах. Так, Н. А. Львов, бывший для Осипова большим авторитетом, ссылается на Страбона: «Говорить и петь вначале было одно дело, по мнению Страбона. Последовавшие писатели, будучи с ним мнением согласны, утвердили, наконец, что глагол страстей произвел стихотворство и музыку; первые законы преподавали пением, и первая музыка состояла в мелодии слов».²⁵ Возможно, Львов имел в виду следующий фрагмент из Страбона: «...поэзия как искусство первая выступила на сцену и первой снискала себе уважение. Затем появились Кадм, Ферекид, Гекатей и их последователи с прозаическими сочинениями, в которых они подражали поэзии, отбросив стихотворный размер, но сохранив все характерные особенности поэтического стиля. {...} И тот факт, что древние употребляли слово петь вместо говорить, свидетельствует именно о том, что поэзия была источником и началом витиеватого или риторического стиля. Ведь публичное исполнение стихов сопровождалось песней». Из упоминаемых Львовым «последовавших писателей» следует отметить не только Ж.-Ж. Руссо, на которого Львов ссылается, но и Дж. Вико и И. Г. Гердера, а также Г. В. Лейбница. Трудно сказать, у кого именно Осипов почерпнул свои рассуждения, тем более что между этими авторами были небольшие расхождения,²⁶ которые, впрочем, для Осипова могли оказаться несущественными. Скорее всего, следует предположить, что у Осипова был другой, более доступный ему, возможно даже устный, источник. Тем не менее неоднократное обращение столь разных и вместе с тем одинаково серьезных и авторитетных авторов к проблемам многозначности и метафоричности слова на протяжении XVIII столетия свидетельствует об актуальности этой проблемы для данного периода, а также о том, что она неизбежно должна была прийти в «низовую» литературу и «наивную» лингвистику.²⁷

О том, что Осипов рассматривает именно лингвистические проблемы, свидетельствуют содержащиеся в его статье рассуждения об эволюции языка: «В первых временах просвещения наречие и язык не имели еще в себе порядочного образования. Долгое время был великий недостаток в том, чтобы множество идей

²⁵ *Львов Н. А. О русском народном пении // Львов Н. А. Избранные сочинения. Кельн—Веймар—Вена—СПб, 1994*

²⁶ *Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М., 1960. С. 188.*

²⁷ О «наивной лингвистике» (folk-linguistics) см. *Hoeningvald H. M. A Proposal for the Study of Folk-Linguistics // Sociolinguistics Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference, 1964 / Ed. by W. Bright. The Hague, Paris, 1966. P. 16—27*

изобразить одним коротким и ясным выражением; то есть приличным названием и словом. От сего и произошла сначала такая бесчисленность метафор и противосмысленных выражений; от сего самого надлежало сперва изъяснять свои мысли по большей части сравнениями, от сего самого одно и то же слово часто начало означать различные между собою понятия».²⁸ Эта метафоричность языка рассматривается Осиповым как проявление лжи: «Когда производимое пристрастием приписывается необходимости, когда под видом защищения прав человека насыщается собственная мстительность, когда завоеватель уверяет покоренный народ, что даровал ему свободу (...) когда кто-нибудь имеет на языке Бога, а на сердце чорта (...) то кто не может тут видеть ясно всей несообразности действия со словами?»²⁹ Таким образом, Осипов вводит этический аспект,³⁰ но продолжает говорить именно о языке, связывая язык обмана (т. е. прозу) с непросвещенностью: «Настоящею прозою говорят люди во всех народах очень поздно и уже тогда, как их чувства теряют очень много своей силы, воображение перестанет иметь перевес над разумом и рассуждением и взойдут они на высочайшую степень просвещения».³¹ В то же время дикость и первобытность в духе руссоистских идей ассоциируется у Осипова с нравственностью, тогда как в современном ему состоянии человек утратил невинность в нравственном отношении и по-прежнему не достиг вершин просвещения. В прозаическом языке сохраняются «стихотворческие» выражения: «Потребна великая точность, замечательность и высочайшая степень в остроте мыслей и языка, чтобы мыслить, говорить и писать прозою. При сей высокой чистоте замешивается очень много

²⁸ Что-нибудь от безделья на досуге... 1798. Вып. 24. С. 373.

²⁹ Там же. Вып. 26. С. 381—382. Утверждения об обмане, на котором строится метафора, встречаются еще у Аристотеля: «Большая часть изящных оборотов получается с помощью метафор и посредством обмана слушателя...» (Античные теории языка и стиля. СПб., 1996. С. 197).

³⁰ Ср. у Лейбница в главе «О злоупотреблении словами» рассуждение об «образных выражениях или намеках»: «Эти качества годятся для разговоров, в которых стараются только понравиться, но по существу все эти искусственные и образные применения слов и все риторическое искусство (за исключением порядка и ясности) способны только внушать ложные идеи, возбуждать страсти и вводить рассудок в заблуждение, так что они представляют собой обман» (Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 2. С. 357).

³¹ Что-нибудь от безделья на досуге... 1798. Вып. 26. С. 378. Ср. у Гердера: «Чем искусственнее становятся речевые периоды, чем чаще устраниваются инверсии, чем больше появляется обиходных и абстрактных слов, чем больше правил получает язык, тем он становится, правда, совершеннее, но тем больше теряет от этого истинная поэзия» (Гердер И. Г. О новейшей немецкой литературе. Фрагменты // Гердер И. Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С. 121).

стихотворческого». ³² К ним Осипов относит все метафоры (например, такие слова и выражения, как *упорный, запутываться в ссору, изоцирять разум, заблуждения, подошва горы, хребет гор*), в том числе и в терминологии (например, *чувственная магнитная игла и притягательный и страдательный полюс магнита в физике*), и паремии (например, *рука руку моет*), и считает, что это происходит оттого, что «язык не образован еще так совершенно, чтобы для каждой идеи особенное иметь слово». ³³ Но для современного, отнюдь не нравственного, состояния человечества эта выразительность языка оборачивается ложью или как минимум неточностью выражения. При этом состояние нравственного и душевного подъема, например при дружеском общении, может приводить слова в гармонию с означаемым: «Когда слово выходит от сердца, то сладостно извлекать его без принуждения. Кажется, что чего нельзя свободно выговорить, о том свободно и подумать не можно». ³⁴

В дальнейшем мысль о слабой связи слова с явлением и о возможности его переозначения получила отражение в предисловии к переводу «Приключений барона Мюнхгаузена», сделанному Осиповым с немецкого текста Г. А. Бюргера, вероятно, в 1797 г. Есть основания предполагать, что это предисловие принадлежало перу самого Осипова или по крайней мере было им заимствовано из другого источника, ³⁵ что тоже показательно, так как свидетельствует по меньшей мере о сознательном отношении к проблеме. Предисловие представляет собой «Посвящение тридцати двум азбучным буквам», т. е. похвалу буквам за то, что из них могут слгаться слова прямо противоположные по смыслу и, следовательно, производящие самые противоречивые эффекты. «Вы {...} утверждаете и укрепляете мир и тишину людскую; производите вражды, несогласия и ссоры; основываете, восстанавливаете, содержите, низвергаете и разрушаете многие владения и государства; Вам предписываются положительные законы честности и добродетели; от Вас также проистекают неисчетные источники пороков, развратов и злодеяний; Вы исправляете и развращаете наши нравы; Вами также составилаь и сия небыллица; почему Вам она и посвящается, яко первой и самонужнейшей причине своего существования». ³⁶ Особое внимание Осиповым уделяется оппози-

³² Что-нибудь от безделья на досуге... 1798. Вып. 24. С. 381.

³³ Там же. С. 383.

³⁴ Там же. Вып. 11. С. 190.

³⁵ Среди вариантов текста «Приключений барона Мюнхгаузена» такого предисловия обнаружить не удалось. См.: *Бюргер Г. А., Распе Р. Э.* Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения Барона Фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей / Подгот. изд. А. Н. Макарова. М., 1985.

³⁶ Не любо не слушай, а лгать не мешай. Перевод Н. О. СПб., без года. С. 2.

ции «истина/ложь»: «Без Вашей помощи никакая истина изображаться не может; равным образом и всякая ложь. Вам обязана своим если не рождением, то по крайней мере существованием».³⁷ Само по себе обращение Осипова к тексту барона Мюнхгаузена, общеизвестного «карателя лжи», свидетельствует о его интересе к произведениям, в которых самая невероятная ложь сознательно преподносится как правда. Причем это, скорее, языковой эффект, потому что и автору, и читателю ясна степень невероятности описываемого. Обнажение приема, характеристика произведения как «маранья», содержащего «совершеннейшую правду совокупно с несбыточной ложью»,³⁸ объединяет перевод «Приключений барона Мюнхгаузена» с «Несбыточным путешествием в небывалые стороны света», текстом, который автор статьи об Осипове в «Словаре русских писателей XVIII века» В. В. Пухов включает в число оригинальных осиповских,³⁹ хотя на титуле указано «сочинение и перевод Николая Осипова». В предисловии к этому тексту Осипов прямо утверждает, что будет честнее всех других писателей, потому что в его произведении «Что читатели здесь ни увидят, все то невиданное и неслыханное; следовательно, самая истинная ложь и настоящая неправда».⁴⁰ Это предупреждение похоже на то, что дает своим читателям барон Мюнхгаузен: «Между тем, слыша охотничьи хвастовства того дворянина, вздумал я теперь повеселить моих читателей и своими. Признаюсь, что они совсем невероятны, однако и заключают в себе совершенную охотничью правду. Если же сие кому не понравится, то повторяю заглавие сей книги: НЕ ЛЮБО НЕ СЛУШАЙ, А ЛГАТЬ НЕ МЕШАЙ».⁴¹ Сравнивая в «Несбыточном путешествии...» произведения разных авторов, Осипов приходит к выводу, что все они лгут независимо от рода занятий, т. е., по сути, лжет любое письменное слово: «Многие Сочинители писали случившиеся с ними в их путешествиях приключения; описывали чудесных зверей, ужасные свирепствы и варварские нравы и обычаи виденных ими народов. (...) Нимало не удивительно то, когда рассказывает басни Стихотворец. Почти всякий день болтают пустое Философы. Удивляются только тому, что часто и Историки выдают нам небывальщину за правду».⁴² Все путешествие в целом, заявленное как «небывальщина», строится по принципу «подтверждения» «по самой чистой и добросовестной сочинительской справедливо-

³⁷ Там же. С. 1.

³⁸ Там же.

³⁹ Пухов В. В. Осипов Н. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 391—392.

⁴⁰ Несбыточные путешествия в небывалые страны света. Сочинение и перевод Николая Осипова. СПб., 1799. С. IV.

⁴¹ Не любо не слушай, а лгать не мешай. С. 12.

⁴² Несбыточные путешествия в небывалые страны света. С. I—IV.

сти»⁴³ самых невероятных рассказов разных авторов: «Не понапрасну говорил Гомер, что при смерти Сурпедиона шел кровавый дождь. Теперь вижу я сам, что рассказы его ложью почесть не можно»;⁴⁴ «В сем городе царствует Коронус, рожденный от Коттизиона, упоминаемого стихотворцем Аристофаном, который никогда не писал неправды»⁴⁵ и т. д. Кроме того, Осипов изображает остров, населенный Стихотворцами, о которых пишет следующее: «Все рассказываемое ими кажется им таковым на самом деле».⁴⁶

Другие тексты Осипова также прямо или косвенно подтверждают его интерес к природе лжи. Так, например, переведенная им с немецкого повесть «Похождение задом наперед, или Навыворот» не только является произведением-перевертышем, которое начинается с 50-й главы и слов: «Я умер 19 августа 1789 года в восемь часов вечера»,⁴⁷ но и целиком построено по принципу непрерывного обнаружения истинного значения происходящего. Герой повести постоянно превозносит добродетели своей жены, настоящая сущность которой тут же становится ясна для читателя. Например, при описании болезни героя: «...жена моя (...) принимала в мучениях моих нежнейшее сострадание. Посмотрели бы, как она ужаснулась, когда мой лекарь сказал ей, что надобно ему заплатить за кровопускание по одному ефимку, а за каждое промывательное и шпанскую муху по полуефимку».⁴⁸

Таким образом, следует отметить стремление Осипова как обсуждать проблемы истинности/ложности высказывания, так и проверять на практике возможности языка в этой области, обращаясь, хотя бы в переводах, к предоставляющим такую возможность жанрам. В статье о переложениях «Энеиды» Н. К. Гудзий высказал сомнение в том, «чтобы Осипов и Котляревский преследовали задачу борьбы с высокой классической поэмой, особенно принимая во внимание, что травестированная поэма была узаконена классицистической поэтикой...»⁴⁹ Тем не менее в отношении Осипова несомненно можно говорить о наличии у него некоей эстетической программы, направленной на обличение любой лжи, прежде всего путем ее обнажения, причем преимущественно средствами самого языка. Обращение к жанру ироикомической поэмы, травестики, позволяло продемонстрировать лживость поэмы героической, как произведения поэтического и метафориче-

⁴³ Там же. С. 23.

⁴⁴ Там же. С. 16.

⁴⁵ Там же. С. 27.

⁴⁶ Там же. С. 131.

⁴⁷ Похождение задом наперед, или Навыворот. Германская повесть. Перевел с нем. Н. О. СПб., 1793. С. 3.

⁴⁸ Там же. С. 7—8.

⁴⁹ Гудзий Н. К. «Энеида» И. П. Котляревского и русская травестированная поэма XVIII века. С. 132.

ского по преимуществу. Возможно, именно поэтому Осипов выбрал сочетание высокого сюжета и низкого стиля, а не наоборот. Таким образом, можно утверждать существование языковой программы Осипова, и, вероятно, именно в этом ключе и стоит рассматривать его главное произведение «Вергилиеву Енейду, вывоченную наизнанку».⁵⁰

---

⁵⁰ Наличие у Осипова такой программы делает еще более убедительным предположение В. Н. Сажина о том, что Осипову принадлежит список эротического переложения поэмы И. Богдановича «Душенька», хранящийся в архиве Г. Р. Державина: Под именем Баркова. Эротическая поэзия XVIII—начала XIX века. М., 1998. С. 385—386.